

Библиография.

Красная Новь. Книга вторая. Март—Апрель. 1923 г. Государств. Изд.

Литературный материал этого номера очень удачен. Красная Новь все полнее и полнее отражает интенсивность русского творчества последних дней.

Бесценны на страницах ее «Автобиографические рассказы» М. Горького, сочетающие в себе и историко-мемуарные данные о большом писателе и подлинность истинной литературы. Читаются они с нарастающим интересом, и, несомненно, книга, вышедшая потом в целом, найдет самую высокую и благодарную оценку как у современности, так и в будущем.

Рассказ Сигорского «Плюшевая голова» кажется симптоматичным в океане чисто революционной литературы, пересыщенной трагизмом русской быти. В нем чувствуется новая здоровая тяга к быту, попытка озарений изнутри тем характера мирного и поиски новых методов художественного воплощения. Сюжет рассказа прост. Это даже и не рассказ о завязке, ядром и логическим концом, а просто ряд текущих моментов, остро выхваченных из мути повседневности. Модная мастерская предреволюционных дней, типичная «хозяйка», три девочки-подростка, ночи и дни, крохотные существования, «залы психология», микроскопические радости и большие печали. Очарование рассказа в необычайной свежести языка, в тонком и грустном юморе, в проникновенной любви к жизни, в каких бы ликах она не проходила перед глазами.

«Солнце всходит и заходит. Много было всего под этим солнцем: ураган-война, ураган-революция. Было ли? Дом полыхал». От мастерской, от маленького дагтовского ада и следа не осталось. Образы жизни земной и текущей улетают, как дым. Они остаются только в искусстве.

Повесть А. Малышкина «Вокзалы», — начало, — вторая вещь этого молодого писателя, с которой приходится знакомиться. Творческая стихия А. Малышкина, — хаос, — бешенное катастрофическое столкновение слепых враждующих сил. Героические подвиги, грохочущие падения, гул растрепанной земли, — нет людей, — есть только ошестившееся, бегущее и все по пути сминающее человеческое стадо, групповая душа, — нет почти человеческих личностей, есть только пескоструйные маски лиц, в экстазах мертвых переставшие быть людьми. Масштабы А. Малышкина огромного захвата. Некоторые места его рассказов напоминают гигантские полотна Тинторетто, написанные словно в лихорадке, словно в вдохновенном бреде. Революция и война, в их легендарно-чудовищных взрывах, грохот, гул, стои, проклятия, бушующий океан рук, ног, голов, тел, — захват А. Малышкина огромен, дарование у него сильное, но и опасности на избранном им пути неисчислимы.

Повесть «Вокзалы» от этой бурлящей динамики рвется на какие то необычайные вдохновенные клочки, точно тучи несутся, — на остановишь, точно Иматра желтобрюхая грохочет камнями. Иногда действительно «хочется пасть и завять», так устают от образных и мысленных перегружений читательское воображение.

Вот например: — «В пространство, в пространствах пространство маховым ахнуло и замотало невидимым колесом, — режет и прот-воздух, крутит воздухом тысячеверстно, бесновато, метет груды человечки с земли, груды тыщ сметает их в оравы, в гомон, в ляг чайников (т), в трудливый скорый топот неисчислимых лаптевых ног, всасывает в свое крутово, кидает по станциям, по заплыванным матерным шарам казармы».

Эта мобилизация, а кажется, что прямо таки светопреставление. И за А. Малышкина становится страшно, как за певца начавшего петь с самой высокой ноты.

Он безудержен и в безудержности своей кажется неблагоприятным, несмотря на все те богатства данных, которыми располагает.

В изрезанных часто безвнутренней необходимости на кусочек строчках, в необоснованном врывании торжественной полуритмической прозы, в многоточиях, в неоконченности некоторых точно на крике сорвавшихся фраз чувствуется уклон от четкого былинного сказа «Падения Даяра», к той мучительной замкнутости, к громоздкости, к парочности, — кото-

рые завели в невылазные добри гениальную прозу Андрея Белого. Но будем надеяться, что эта пагубная для молодых школа не повлияет в дальнейшем на самобытный расцвет радостного дарования А. Малышкина. Повесть «Вокзалы» в целом заслуживает самого серьезного внимания.

От Сигорского и А. Малышкина к «Аэлите» А. Толстого, от выблиющихся, ищущих себя, но еще ломающихся достижениях к гармонии совершенной формы, к чистым строгим линиям мастерства, к высветленности мысли и кристаллизованной красоте слова и образа, — и хочется задать вопрос, почему принципы этого творчества не входят каким то внутренне-законодательным путем, как принципы подлинной новой литературной школы в живую струю молодого творчества? Вероятно, потому, что А. Толстой, — неповторимая фигура в русском искусстве, — весь антитеза крика, моды, вылезания из самого себя, надуманности, эффектов, подозрительной повизны и всех тех аксессуаров писательства, которые сводят с ума молодых воображение.

В последних главах «Аэлиты» разворачивается во всю ширь, цемшица образам какой то неземной тоски, его колдующая фантазия. Надмирные видения ужаса и счастья, борьбы и гибели, силы и ничтожества, — запечатлены в образах совершенных неподражаемых красочно углубляющихся до значительности символа, может быть, помимо их первоначального замысла, как это бывает в произведениях, где черед творческой силой, переплескивающей через край, открываются дали неслыханных просторов?

По превзойденной красоте женственности дышит звездный облик Аэлиты, — несбыточной любовной мечты. Единственная острая страстная сцена между ею и Люссен проходит в гроте точно под звуки невидимого оркестра. Трагический лейт-мотив этой прекрасной и страшной симфонии, — вечное, единственно-непреходящее слово любви: прощай!

В романе «Аэлита» совершенно новым для него по жанру, А. Толстой создает избранную форму с легкостью, точно по наитию, как художник, нестоющийся в композициях, совершенно овладевший своим талантом.

Появление романа в русской литературе будет отмечено, как явление исключительное.

Интересна повесть А. Аросова «Председатель», которая, как и все его вещи, углубляется до ценности революционной летописи.

Маленький рассказ «В лесу» Соколова-Мишкова свеж и приятен. Отдел публицистический Красной Новь, как всегда, богат по материалам.

Лишь поэзия на этот раз не представлена ничем новым, — выделяется лишь маленькое откровение С. Клычкова. —

«...Какая б ни пришла гроза: —

За пологом пророс подснежник,

Цветут душистые глаза»...

Нина Петровская.

Альманах «Медный Всадник». Книга первая. Берлин. 1923 г.

Верьте, или не верьте, — но госпоже Норе Лидарцевой очень нужен, прямо таки необходим, царь.

Подрисованные женщины — нежные

• Кажутся при свете фонаря.

Я толпе в глаза смотреть не смею,

Без отчаянья, дома и царя.

Как, в самом деле, без царя? Тяжело, очень тяжело. Ходит госпожа Нора Лидарцева по улицам, и все об одном думает: как же ей без царя на свете жить:

Я шаги ускорила невольно,

Магазин весело горят...

И никто не знает, как мне больно

Без отчаянья, дома и царя.

Что «горят магазины», — это положим, г-жа Нора Лидарцева напутала. Она хотела про огни магазинов рассказать. Не насчет царя, — я верю. Царя ей, и в правду, хочется.

Это бывает. Мало ли каких извращений нет на свете!

Каков, однако, нам дело до этой г-жи Норы Лидарцевой? Но дело в том, что здесь же, рядом с этой божественной пляшкой в альманахе «Медный всадник» — оказывается г. Ив. Бунин. Г-жа Нора Лидарцева поэт, а почетный академик И. А. Бунин подпеваает. Г-жа Нора Лидарцева — о будущем царе, а г. И. А. Бунин о будущей мести, о том, что:

... не прятать грядущей воли
В ее отравленной жаготе...

У Норы Лидарцевой — мечты о монархе, а у Ив. Бунина «слез невыплаканных яд и тлеющий ненависти пламень».

Да вострепещет Россия, Великая, и Белая, и Малая Русь:

«Блажен, кто раздробит о камень
Твоих, Влудница, новых чад,
Рожденных в лютое мгновенье
Твоих утех — и наших мук».

Эти злобные, злостные строки Ив. Бунина совершенно серьезно считает отражением «Господнего святого мщения». До такого экстаза не подымались, сколько известно, даже и те священнослужители, которые брали на себя любезность присутствовать у виселицы в царские дни. Мылить веревку, приготовить для казни, — это ведь дело практической политики, а вовсе не ралигии и поэзии.

Но составители и вдохновители альманаха «Медный всадник» думают совершенно иначе. Состав сборника подобран тщательно, по принципу максимальной политической благонадежности. Здесь перед нами — торжественный парад, впервые за много лет устроивший смотр всех художественных сил пражской эмиграции русской. На лице Ив. Бунина и Е. Чирикова; Саша Черный и Борис Вайцев, но первые роли в сборнике, ввиду подбора по признакам политическим, играют все же г-жа Нора Лидарцева, и Сергей Горный, и почтивший своим присутствием празднество его превосходительства генерал П. Н. Краснов.

Хорошо пишет генерал. Куда же протер его Ив. Бунину, или Евг. Чирикову!

Повесть П. Н. Краснова так и называется «Доколе, Господи?»: Старый генерал царской службы Зеленин, герой повести П. Краснова, живет в Берлине в пансионе Фицке. Уже третий год генерал Зеленин служит ночным сторожем при конюшне на пивоваренном заводе:

«Грустная улыбка кривила его губы. После революции, а дни беженских скитаний, слишком хорошо познал он, что такое люди, и какая разница между ними и животными. И животные — стали ему милее».

По ночам, когда старый генерал остается один в сумраке длинной конюшни, он думает о России:

«Тяжелые думы, как волны... катились в его голове. Не о себе он думал, не о жене, не о сыне, не о троюродной племяннице... а думал о Родине и ее славном прошлом... Не мог государь отречься! Есть посты, с которых не уходит. Как он сейчас не увидит о конюшни, — так государь не мог покинуть царства».

Параллель, как мы видим, несколько неожиданная, но не в этом счастье.

Живет генерал в Берлине с женой и племянницей Милочкой, невестой его сына. Сын остался где-то там, то ли в России то ли в Сербии у Врангеля, и Милочка целые годы хранит верность своему жениху.

«Будет день, когда он приедет, они соединятся, и закаленные в трудах и лишениях, пойдут создавать великую Россию».

Как, собственно, это делается, каким образом жених и невеста, хотя бы и соединившись, могут «создавать великую Россию» — этого ген. Краснов так и не объясняет. А жалко! Рецепт мог бы кое кому пригодиться. Той же Норе Лидарцевой и Сергею Горному, коллегам ген. Краснова по «Медному всаднику».

Идут дни. Генерал Зеленин очень гордится своей аккуратностью на службе в конюшне.

«Пансион Фицке... Все более и более скудные обеды... Цены, быстро ползущие вверх. Жизнь — не жизнь, а какое то томление, изо дня в день, по месяца в месяц, по года в год».

И вот, бысть день, когда к генералу Зеленину приехала на конец сын из России. Но что это? Вместо изможденного, оборванного нехудого, каким он должен быть по расчетам родителей и невесты Милочки, — оказывается «высокий, элегантно-одетый человек в мягкой серой шляпе, безупречном синем-сером костюме и американских ботинках с петлями». О, ужас! Оказывается Вика оставался все эти годы в России и... служил у большевиков.

«В рабочей социалистической федеративной советской республике, — галантно сообщает Вика своей невесте, Милочке — осталось много вашего брата-буржуазин: офицеров, чиновников, профессоров, учителей, священников, инженеров, докторов, и все служат».

Но эти оправдания, естественно, не могут помочь этому жалкому «прислужнику палачей». Невеста Милочка немедленно ведет своего жениха гулять в парк, подводит его к пруду, и самоотверженно сталкивает его в воду. Неважно жить на свете большевистским агентам!

Жених, однако, — шуглость какая! — еще карабкается.

«У самых ног Милочки мелькнуло на миг бледное лицо с вытаращенными глазами».

Но Милочка — героиня. Она, конечно, не растерялась и немедленно же, во славу Божию, прихлопнула эти «вытаращенные глаза» заблаговременно взятой у жениха палкой с серебряной ручкой и тогда все наладилось по хорошему: большевик немедленно потовул «родителям на пользу, церкви и отечеству на утешение», а Милочка, как ни в чем не бывало, пошла домой, в пансион Фицке.

Хорошо ли поступила Милочка? Ну, еще бы!

«И Христос не прощал развращающим душу, и мы ни не можем, не должны простить» — философствует старый генерал Зеленин: — «Если око соблазняет тебя, — вырви око», «Петр Великий своего сына царевича Алексея казнил/за намеру. И если мы преемим, — преступниками будем».

Дело, конечно, вовсе не в тех благоглупостях, камене печатает бравый генерал П. Н. Краснов на страницах альманаха «Медный всадник». Убогая и типично-полицейская философия мести в повести ген. Краснова совершенно точно, почти дословно повторяет политические откровения Ив. Бунина, о спастельности «Господнего святого мщения». Ген. Краснов и Нора Лидарцева — не случайны. Есть здесь вещи и еще хуже, вроде стихов Леонида Чацкого и еще какого то Вл. Дадерихса-Фри-Дитрихштейна. Одна пошлятина г. Сергея Горного чего стоит:

«Весна — это капель: вонкая, синяя, голубая точно на сердце, на самое каплет. Весна — это купола, чуть видные, вознесшиеся в воздух: а вокруг них — дыхание. Весна — это пух на ветках, на осок. Березки, совсем смущенные, в предчувствии, сладкого, чуть стыдного созревания... девичьские, совсем пагн. Весна — это истекающее сердце наше. Знаешь, что надо прижаться к земле обнажившийся, прямо сердцем все глубже. Пусть стучает в черноземе, в листе, в мшистой выемке, как в лунке. Как в материнской ямке зачатия (1)».

Ломать стулья, во имя Александра Македонского, этого для Сергея Горного мало. Он собственные кости в порошок в два счета превращает:

«Когда думаю о Руси... — чую, что распадается мелкой костяной, черноземной пылью — именно локтевой пролет руки моей правой, которою жил, которою что-то строил. Распадается с тихим, неслышанным шуршанием. Одни катышки остаются. Не шорох ли это всего мироздания?»

Когда дело дошло до того, что кости распаляются, — надо идти к врачу, — это ясно. Нельзя, в самом деле, так небрежно относиться к своему здоровью.

Дело не во всех этих отдельных рекордах пошлости и бесвкусицы, а в каком то итоге, каком то знамении времени Грустный симптом целой эпохи являет собой этот картонный пац, именующий себя «Медным всадником».

С тех пор, как Ив. Бунин «завялся политикой» и, в качестве неумеренно правого, озлобился на Россию и все сущее в ней, — Бог покарал его, как и многих иных, оказавшихся

ридом с ним, творческим бесплодием. Целые годы ничего нового не удавалось создать ни Ив. Бунину, ни А. Куприну, ни Д. С. Мережковскому и т. д. и т. д. Место творчества заняла политика, плохая, бессильная, беспомощная.

И вот теперь, правый лагерь усматривает торжественный смотр своих сил, этакое пышное «парад але». С покон веку мы знали, что улылая пошлятина стихов Норы Лидарцевой и беллетристики ген. Краснова это одно — но подлинная литература, к которой относится И. Бунин — это что то совершенно иное. Но вот теперь перед нами в альманахе «Медный Всадник» воедино собраны и Ив. Бунин с Б. Зайцевым и Евг. Чirikовым, и ген. Краснов с Норой Лидарцевой и Сергеем Горьким. Все оказались вместе, и все одинаковы, и пред нами уже не только плохая политика, но — увы! — еще и очень плохая, безнадежная литература. Стерты оказались неизбе-

мые ранее грани и печать безнадежного бессилия, роковой импотентности одинаково сказывается на всех авторах этого ультра-правого альманаха. Чуть не самым молодым из них — кажется Вас. Ив. Немирович-Данченко, поместивший здесь автобиографический рассказ, начинающийся словами:

Точно вчера было... 65 лет назад, мне миновало шестнадцать...

Все остальные — кажутся еще более типическими представителями «времен Очаковских и покорения Крыма». И не отличить больше, где ген. Краснов с Норой Лидарцевой, а где подлинный и настоящий писатель Ив. Бунин.

И толпе в глаза смотреть не смею
Вез огнаны, дома и царя!

Ив. Бунин.

Литературная хроника.

25 марта выходит 1-й номер нового журнала «Лэф» («Левый фронт»). В номере — поэма Вл. Маяковского «Про это», воспоминания Д. Петровского о Хлебникове, стихи Асеева, статья М. Ю. Левидова «Лэфу предостережение», и его же «Триста строк о 15 писателях», статья Винокура «Филология и поэзия», статья Третьякова о футуризме, статьи Арватова, Брика, повесть Брика «Небо лучится». В портфеле редакции — роман Сергея Боброва, — первый русский авантюрный роман.

— Театр «Комедия» (б. Корн), ставящий пьесу Георга Кайзера «Иудейская вдова», послал Кайзеру приглашение прибыть в первом представлении «Иудейской вдовы», причём расходы драматурга по поездке принимает на себя.

— Возобновилось издание еженедельника «Всемирная иллюстрация» под редакцией Николая Шебуева. Журнал выходит 25 марта. В номере стихи Мандельштама, Никулина, Обродовича, рассказы Георгия Павлова, Ю. Слезкина, Эм. Миндлина, фельетон Шебуева, библиография и большое количество иллюстраций.

— Вышла в издательстве «Время» вторым изданием книга Н. Евреннова «Театр, как таковой».

— Изд-во «Время» выпускает альманах «Эпоха», в котором принимают участие Слезкин, Козыров, Пильный, Никитин, В. Явалов, Д. Ярославцев, Шмелев и др.

— Вышла новая книга стихов Ипполита Соколова «Векам».

— В изд-ве «Всеросс. союза поэтов» вышла новая книга — М. Ройман «Хевронское вино».

— Госуд. Изд-во переиздает известную книжку для детей Корнея Чуковского «Крокодил».

— Изд-во «Круг» печатает новую книгу стихов Осипа Мандельштама.

— В Петрограде скончался известный литератор Николай Ашукон.

— Поэт Максимilian Волошин приезжает в Москву на Конгбеля. Им написано большое количество стихов о революции в России, которые он собирается выпустить отдельным изданием.

— В Москве выходит книга Самуила Марголина «Несущественный театр». В книге собраны интересные материалы по театральным постановкам, готовящимся в течение последних лет и почему либо несуществующим.

— В Петрограде выходят «Записки Панасовой» под редакцией и с предисловием Корнея Чуковского.

— Московское издательство «Новый Мир» выпустило книгу Льва Варшавского «Гравюра и литография». В тексте — снимки с гравюр современных графиков и гравюров Фалилеева, Павлова, Пискарева, Фаворского, Печурь, Герасимова, Якимченко и др.

— В Москве возобновляется издание журнала «Жизнь и суд», который будет освещать судебную деятельность в России, процессы, уголовную хронику и пр. Журнал будет иллюстрирован.

— «Литературный Особняк» печатает второй альманах стихов своих членов. В альманахе участвуют Арго, Адуев, Шейгели, Левягин, Федоров, Владыгина, С. Спасский, Чичерин, Сельвинский и др.

— В издательстве «Опыт» в Берлине вышла книга проф. С. С. Чахотина «Организация» — принципы и методы в производстве, торговле, администрации и политике. В книге 100 рис. и таблиц, иллюстрирующих выдвигаемые автором основные положения рационализации этих сторон деятельности человеческих коллективов.